

вытащили свою страну из отсталости к прогрессу и превратили ее в научно-техническую, экономическую, военную и энергетическую державу. По пути Октября мы обеспечили **всем** гражданам невиданные до того социальные гарантии.

Октябрь был нашей судьбой, и мы не можем отказаться от него как от части своей истории. Жестокостей хватало всегда и везде. Головы королям сносили и в Англии, и Франции. Религию преследовали и там. Впоследствии все это было осуждено, но без шараханья в другую крайность. Даты революции не были отменены, а оплевывать свое прошлое нигде не стало нормой. Мы тоже не должны этого позволять и никогда не забывать, что принадлежим к этой истории, к этой стране и народу, какими бы они ни были, и других у нас не было, нет, и не будет.

Ленин и российская революция. Можно ли выбросить „ленинский нарратив”?¹

*Краус Т.,
доктор истории,
Будапештский университет
(Венгрия)*

Историки постмодерна успешно „деконструировали” историю российской революции и в том числе интеллектуальное наследие Ленина. Ныне задача состоит в замене этой „деконструкции” „реконструкцией”, что как в сфере методологии, так и в сфере „исследовательской техники” должно начаться с восстановления принципа историчности.

В „официальном”, mainstream историческом дискурсе наших дней наследие Ленина и Октября по существу, в конечном итоге относится к нарративу „терроризма и

¹ Данная статья является отредактированным вариантом моего доклада, сделанного 24 сентября на конференции историков, посвященной 90-й годовщине российской революции.

диктатуры“.¹ В научном обороте имеется много разных интерпретаций, от бердяевской до концепций современных западных и российских авторов. Однако в наши дни представители двух важнейших направлений, националистического и либерального, уже единодушны по отношению к указанному выше решающему вопросу, все они не выходят за рамки „террористического нарратива“.² В наши дни, как и в советские времена, большая группа историков с помощью тошнотворных идеологий создает в сфере революционной тематики новый апофеоз, только на этот раз вокруг жертв революции, от царской семьи до российской буржуазии, более того, в некоторых работах прославляются даже белогвардейцы. В то же время параллельно с этим явлением началось и историографическое отрезвление.

Задача данного реферата в том, чтобы конспективно показать локальную и всемирно-историческую укорененность российской революции в свете историографических концепций и „ленинского нарратива“, по возможности обходя в то же время накопившиеся в течение многих десятилетий наносные явления и обобщения легитимационного характера, которые сложились еще при жизни Владимира Ильича в ходе борьбы за его наследство.³

Два основных тезиса „ленинского нарратива“

Историческая литература почти девяти десятилетий катит перед собой проблему „ленинского нарратива“и, как говорят венгры, не может ее „ни выплюнуть, ни проглотить“. В рамках поставленного нами вопроса этот нарратив может быть обобщен практически в нескольких предложениях, если мы понимаем или хотим понять взаимосвязь ленинских мыслей. С конца XIX века исходной точкой для Ленина

¹ Монументальной попыткой такой интеллектуальной „деструкции“ стала трехтомная книга R. Service-а, первый том которой, был написан в 80-е годы еще в сознании „величия“ Ленина, а два последних тома в 90-е годы рассказывают о по существу „несвязности“ ленинского мышления и „сводятся“ к апологии нарратива террора и диктатуры. (См. прежде всего. Robert Service: Lenin: a Political life. Vol. III. Macmillan Press LTD, London, 1995.). Поскольку биография Ленина и история российской революции неразрывно связаны друг с другом, ленинская тематика, естественно, включает в себя тематику революции и, наоборот, тематика революции включает в себя „соответствующий“ образ Ленина.

² Этот историографический сегмент, начиная с работ Волкогонова в начале 90-х годов, настолько обширен, что даже не стоит углубляться в его подробное описание.

³ По вопросу о научной реконструкции дискуссий вокруг ленинского наследия см.: Krausz T.-Mesterházi M.: *Mű és történelem. Viték Lukács György műveiről a húszas években. Gondolat, 1985.* особенно IV главу *О ленинском наследии*, зю 101-129. Между прочим, понятно, что „обязательные“ ныне сомнения в связи с марксизмом Ленина имеются даже в марксистских кругах, поскольку как раз после падения СССР стало ясно видно, что конкретно-исторический марксизм, который даже в радикально редуцированной форме больше не служит задаче государственной легитимации, всеми силами, в теоретическом, политическом и методологическом отношении, сопротивляется либеральным и националистическим, религиозным и спекулятивным „дополнениям“.

был анализ развития капитализма, прежде всего аграрных отношений в России. В качестве конечного вывода из этого анализа Ленин сформулировал важнейшую специфику¹ развития России: решающим моментом было то, что при господстве все более явно „доминировавшей“ капиталистической формы наблюдалось «нагромождение» различных социальных форм, находившихся в принципиальном и структурном конфликте друг с другом. В России сложилась такая многоукладная, пользуясь современным термином, полупереферийная форма капитализма, которая является своего рода *переходом* между капитализмом европейско-американского центра és „досовременным“ колониальным миром. В этом смысле она одновременно и зависит от *центра*, и в то же время и сама является особым колониалистом по смыслу понятия «*внутренней колонизации*». В соответствии с этим „полупериферийная“ интеграция, вхождение России в мировую экономику происходит при сохранении островков докапиталистических форм, что усиливает подчинение России интересам западного капитала. Иначе говоря, капиталистическая форма повсеместно превратила докапиталистические формы в свои собственные функции почти так же, как социалистическое рабочее движение „интегрировало“ в 1917 году „досовременные“ крестьянские движения; политические и идеологические предпосылки этого можно обнаружить в работах Ленина.

Другое важнейшее прозрение „ленинского нарратива“ связано с началом и опытом I мировой войны. Ленин построил теорию *иерархичного строения мировой капиталистической системы*; обнаружил так называемый закон *неравномерного развития* капитализма в эпоху монополистического капитализма. Из совокупности этих положений проистекал основной и общеизвестный политический вывод Ленина о России как „слабом звене империалистической системы“. Ленин считал, что „неудачники“, пострадавшие от международной капиталистической конкуренции и накопления капитала, прежде всего те слои рабочего класса стран центра, которые находились ниже „рабочей аристократии“, а также пролетариат полупериферии как основа антикапиталистического „пролетарского сопротивления“, вступают в союз с так называемыми „демократическими движениями за независимость“, ведущими борьбу против колониализма. Этот союз, явно противоречивый по своим целям и средствам, должен был под знаменем *национального развития* включиться в антисистемную борьбу, ведущуюся в „центре“ и на „полупериферии“ (прежде всего в России). Хотя Ленин, повторяю, и создавал, что антиколониалистские и национальные движения могут быть крайне многообразны с исторической, социальной и классовой точки зрения, но он искал возможности глобального сопротивления власти капитала, глобализировавшегося под знаменем *империализма*. Этот тезис оправдался в истории *российской революции и только в ней*.

¹ Как известно, началом этого анализа стала работа *Развитие капитализма в России*, а его завершением – *Империализм как высшая стадия капитализма* (1915-16).

Таким образом, порвав с *евроцентристским миропониманием*, характерным для „официального” социал-демократического и вообще западного mainstream-a, Ленин осознал политические следствия, вытекавшие из неравномерного развития. Прежде всего он пересмотрел первоначальное представление Маркса о мировой революции, сделав вывод о существовании исторически конкретной возможности революции в России. В то же время среди важнейших открытий Ленина нужно искать и его крупнейшую „ошибку”, без понимания которой также нельзя понять природу российской революции. Его крупнейшая ошибка состояла в том, что он не разглядел воздействия на революционное движение в *странах центра* тех своеобразных политических и социологических, психологических и организационных последствий, которые вытекали именно из открытой и описанной им *неравномерности развития* глобального капитализма. С другой стороны, с этой же позиции он преувеличил антикапиталистический потенциал антиколониалистских движений.

Природа революции и догоняющее развитие

В данном тезисе речь идет о том, что переплетение *досовременного консерватизма* и вполне „современной” революции является именно доказательством *органичности* российской истории и российской революции. Что же имеется в виду?

Как было указано выше, своеобразные черты российского исторического развития отразились в истории российского революционного рабочего и крестьянского движения и в истории самой российской революции. Очевидным и уже сто лет назад осознанным проявлением этого своеобразия была политическая инертность российской буржуазии, ее лакейство перед монархией, а также *крестьянский и пролетарский характер* уже так называемой буржуазной революции 1905 года. Все это еще более однозначно проявилось в октябре 1917 года, в ходе революции, считавшей себя социалистической (коллективистской!).

На основе упомянутых выше теоретических выводов ленинский нарратив подготовил встречу трех достаточно отличающихся друг от друга революционно-бунтарских элементов. Из сосуществования самых современных и самых архаичных отношений вырос, прежде всего в Москве и Петербурге, современный промышленный пролетариат. В то же время и в этом пролетариате, в его происхождении, условиях жизни и мышлении сохранились традиции коллективистского, общинного прошлого, что выразилось и в развитии спонтанно возникших советов.¹ Вторым социальным слоем „революционного лагеря” было принадлежавшее прошлому, консервативное, но в настоящем требовавшее и отбавившее землю общинное крестьянство, коллективистское и антикапиталистическое по своим приоритетам и привычкам.

¹ Интересные наблюдения об этом сделал с точки зрения *революции* Д. Чураков: A munkásönkormányzatok közösségi aspektusai az 1917-es orosz forradalomban. In: 1917 és ami utána következett. Bp., Magyar Ruszisztikai Intézet 1998. (Szerk.: Krausz T.) p. 53-67.

Цементирующей силой городской „авангардистской” и крестьянской консервативной революционности стал третий важнейший „слой” революции, в основном крестьянская по своему происхождению, но „повидавшая свет”, как мы сказали бы ныне, „глобализованная”, многомиллионная вооруженная солдатская масса, интересы которой с наибольшей силой и эффективностью сформулировали и представляли тот же Ленин и те же большевики, когда намеревались без всяких условий выйти из войны.¹ В этом крестьянском смысле революция была своего рода возвращением к коллективистской традиции, не случайно, что революцию смогли принять представители самых различных направлений От Исаака Бабеля вплоть до Сергея Есенина. Отнюдь не историческая случайность, контрреволюция также имела многослойный социально-политический фундамент, и белые и красные вели борьбу за привлечение на свою сторону „переменчивой” крестьянской базы.

Ленин и на теоретическом уровне полностью понимал эти противоречия, и это выразилось в том, что, изучая характер революции, он часто подчеркивал, что в России речь идет не о „чисто” пролетарской революции, поскольку пролетариат в стране составляет всего лишь меньшинство населения, и нередко прямо говорил о рабоче-крестьянской революции, в которой крестьяне-собственники принадлежали к *категории мелкой буржуазии*. В то же время, учитывая эти противоречия, он и сам не мог представить себе, что будучи предоставленной собственной судьбе, российская революция сохранит свои *первоначальные социалистические цели*. Такой характер революции быстро изменил цели, сформулированные в *Государстве и революции*, апрельских тезисах и позднейших ленинских работах 1917 года. В рамках нашего третьего тезиса мы рассмотрим содержание этого поворота.

¹ В исторической литературе давно уже считается очевидным, что резко антикапиталистический менталитет значительных масс крестьянской популяции выявился со всей ясностью только в ходе революции, хотя с самой этой проблемой российские социал-демократы, как меньшевики, так и большевики боролись на протяжении около полутора десятилетий, первые хотели связать свою судьбу с буржуазией, а вторые с бедными, требовавшими земли слоями крестьянства. Находившееся под влиянием своей романтической, „консервативно-феодальной культуры” российское крестьянство уже в 1905 г., а потом летом-осенью 1917 г. в ходе антикапиталистических и антифеодальных бунтов, сопровождавшихся поджогом помещичьих усадеб и насильственной экспроприацией земель („пугачевщина”), добивались у бывшего господствующего класса, а позже у новой демократической государственной власти удовлетворения своих давних требований. Наконец, советы дали ему землю, но взамен в сталинские времена включили его в „комбайновое” современное общество, то есть „консервативный антикапитализм” крестьянства способствовал большевистской революции, однако революция, ограничив собственнический аппетит крестьян, породила такое крестьянское сопротивление, с которым государственная власть, по старой привычке, смогла справиться только путем насилия. Об этом противоречии см.: Vlagymir Buharejev: 1917 – Az „obscsina-forradalom” pirruszi győzelme. (1917 – Pirrova pobjeda „obscsinnoj revoljucii”). In: 1917 – és ami utána következett. Op. cit.. p. 37-52.

Огосударствление революции и „модернизационное догоняющее развитие”

Отражая указанные выше противоречия, в исторической науке последних двух десятилетий определяющим стал вопрос, была ли российская, конкретнее октябрьская революция *антимодернизационной* революцией (больше того, путчем!), которая задержала развитие России и отбросила ее назад? (В этом вопросе понятие *развития* означает или (в националистическом нарративе) то, что в послереволюционной России (и сегодня!) необходим континуитет с „эволюцией России до первой мировой войны”, или (в либеральном нарративе) то, что эталоном для „копирования” являются западные страны центра).¹

В противовес этому другие авторы прямо утверждают, что российская революция как раз и была *догоняющей, модернизующей буржуазной революцией*, которая в конечном итоге выполняла в Советском Союзе функцию либерализма XIX века. Из этой интерпретирующей революцию дихотомии модернизации-антимодернизации, выпадает реальная *история* революции, неотъемлемой частью которой был, конечно, и ленинский нарратив.

Иначе говоря, вопрос не в том, была ли социалистическая революция социалистической или нет, а в том, способствовала она или препятствовала так называемой модернизации России, то есть ее сближению с западной капиталистической цивилизацией. Новое легитимационное объяснение, поставленное на место прежней *государственно-социалистической* легитимации (марксизма-ленинизма), исходит уже из того, российская революция и, вообще, российская история могли развиваться в рамках структурных форм идеального буржуазного общества (и имплицитно предполагается, что ныне именно это было бы желательно и возможно для России). В этом пункте данный спор почти совпадает с проходившей столетие назад дискуссией между меньшевиками и большевиками. Тогда меньшевики (а отчасти и либералы) предполагали, что капитализм в России идет по западному пути, то есть по пути капитализма стран центра. (Иронически можно сказать, что Столыпин представляется либеральным диктатором, похожим, скажем на Пиночета!). Большевики, напротив, считали, особая траектория и своеобразие развития России, а также законы изменения мировой системы капитализма приведут к интеграции капиталистической России в качестве составной части *полупериферии*. Как будто и не прошло ста лет. „Ленинский нарратив”, который около 20-и лет назад был выброшен в дверь, возвратился через окно.

Решение этой проблемы скрыто в самой истории революции. Необходимо ясно понимать, что все предварительные замыслы, планы и концепции Ленина и большевиков остались на бумаге, поскольку европейская революция, несмотря на все

¹ Мы имеем дело с поздним, „оглуленным” вариантом противоречий между славянофилами и западниками без всякой связанной общественной критики, его целью является простое служение интересам определенным властным группировкам в интересах сохранения существующего режима.

революционные всплески, осталась на уровне концепции. На российской почве нужно было осуществить такие прозаические задачи, как раздел земли, выход из войны, борьба с голодом и т. д. Государство не только не отмерло, но день ото дня становилось все сильнее, больше того, произошло *огосударствление революции*, что было осознано и самим Лениным. Если революция подверглась *огосударствлению* на определенных стадиях своего развития, начиная с периода военного коммунизма, затем – половинчато – в период НЭП-а, а тотально в сталинский период, то надо поставить и вопрос, «что в *революции* было *огосударствлено*»?

По военным и экономическим соображениям вынужденно, временно и поначалу частично были взяты под государственный контроль типично народные организации, возникшие в процессе революции в противовес государству и капиталу (заводские и фабричные комитеты, советы, профсоюзы, комунны, кооперативы и другие общественные самооборонные организации). Их огосударствление стало полным в сталинское время. Если *органичность* истории состоит не в коллективизме крестьянского прошлого, не требование обобществления государства и собственности, а, напротив, носителем органичности в российской истории и революции является государственно-бюрократическое бытие, то реализацией органического развития будет именно ликвидация-огосударствление этих революционных организаций.¹ Таким образом, концепция истории революции, основанная на понятии *модернизации*, неизбежно будет оставаться концепцией мистификации государства, апологии огосударствления, из критики которого она собственно исходила. С другой стороны, модернизационный подход к «органическому» развитию является апологией *догоняющей индустриализации*, развития с целью догнать Запад. Однако стоящие на этой точке зрения историки забывают даже и то, – видимо, последовательны только быки – что это *догоняющее развитие* не могло быть осуществлено с помощью буржуазных средств и форм, а было осуществимо только с помощью сталинистского арсенала средств. Таким образом *догоняющее развитие* – это есть сам советско-российский *модерн*, который, однако, не тождественен сущности революции, культуре масс и декларируемым целям революции.

С этой точки зрения «антимодернизационные (понимай – антикапиталистические) структуры» были двойную направленность: они были представлены спонтанно сложившимися массовыми организациями, которые двигались по траектории, радикально отклоняющейся от современного капиталистического развития в сторону социализма, то есть по траектории самоуправления; с другой стороны, в противовес городскому авангардистскому развитию или наряду с ним, существовала и упомянутая выше, имевшая глубокие

¹ Только для очень наивных людей хочу подчеркнуть, что и *белая альтернатива* большевистскому огосударствлению опиралась не на собственническую структуру демократического капитализма, а на идею всеислия российского государства и миф о «единой и неделимой России».

корни тенденция сельско-консервативного развития. Конечно, задним числом, после того, как государство, как кажется, подавило эти структуры, все это представляется "утопическими" тенденциями в свете „антикапитализма“ НЭП-а (Ленин) и государственного социализма сталинского поворота, а тем более в свете сегодняшнего рекапитализирующего развития России.

Все революционеры, а большевики в особенности, некоторое время колебались между *народным самоуправлением*, с одной стороны, и ориентирующимся на развитие техницизмом *догоняющего развития* как экономической стратегии, фордизмом, с другой. При Ленине в образе НЭП-а еще существовало определенное равновесие между, образно говоря, народным самоуправлением и бюрократическим техницизмом, в конце 20-х годов это равновесие было положено историей *ad acta*. В конечном итоге именно тогда государство и победило революцию.

Конечно, разрушение и быстрая этатизация стихийно сложившихся революционных организаций и традиционных российских коллективистских структур произошли не по желанию той или иной партии, а по принудительному воздействию местных и всемирно-исторических условий. Именно этому вопросу посвящен наш последний, четвертый тезис.

Практика революции против ее теории

Российская революция оказалось под *ограничительным воздействием всемирно-исторических условий*, в результате чего Ленин пришел к выводу, что историческим призванием „полупериферийной“ российской революции ни в коем случае не может быть „введение“ или какое-либо непосредственное осуществление социализма. Он обрисовал возможность создания в России *культурно-цивилизационных и экономическо-психологических предпосылок социализма*, пока всемирно-историческое развитие не вырвет российскую историю из оков „тысячелетних“ привычек и не интегрирует Россию в новую европейскую, *социалистическую цивилизацию*.

Основная проблема революции с самого начала концентрировалась вокруг отношений между *государством и обществом*. Как мы уже указывали, ленинская концепция „альтернативного общественного мнения“, „альтернативной власти“ (социал-демократическая пресса и дискуссионные клубы, кружки самообразования, пролетарская партия и т. д.), его концепция *сети самостоятельных общественных организаций* (советы, профсоюзы и другие общественные структуры защиты интересов) были быстро подавлены однопартийной системой, возникновению которой способствовал и он сам. В принципе основной целью революции должна была стать очистка пути для социального режима, целиком основанного на самоорганизации, при котором должна была возникнуть построенная снизу вверх система самоуправления, в которой уже не может утвердиться система бюрократических институтов, отделенная

от общества.¹ Насколько история оправдала ленинский марксизм относительно российской революции, настолько не оправдала его первоначальные представления и надежды, связанные с *послереволюционным развитием*. До 1917 года одним из кардинальных пунктов политической концепции Ленина была проблематика демократии, в связи с которой намечались переходные периоды на пути к революции, превращение буржуазной демократии в плебейскую, а потом в *рабочую демократию* („полугосударство“), что составило бы органическую часть преобразования структур власти в рамках общей смены социально-экономической системы.

Рабочая демократия (которая в принципе и на практике является диктатурой по отношению к защитникам старого режима, то есть „диктатурой пролетариата“) очень быстро – за отсутствием социальных подъемных сил – превратилась в „партийную диктатуру“ (Ленин). Теоретические и политические аспекты преодоления „партийной диктатуры“ поблекли, а потом утонули в смутном море нужд самосохранения власти. Ленин отчасти и сам подготовил *догоняющее развитие*, когда заметил, что „Петр Великий вымел варварские отношения варварскими средствами.“) В то же время прежняя теория и практика общественной самозащиты не просто поблекли, но позже были окончательно сметены сталинским поворотом, что, по всей видимости, способствовало и позднему провалу государственного социализма, из советского развития были вытравлены последние элементы революционного потенциала.

Важнейшим прозрением Ленина в *послереволюционный период* состояло именно в том, что в России, „поскольку мы неграмотны“ необходимо одновременно усвоить важнейшие достижения западной техники и культуры и создать смешанную экономику, в которой шла бы конкуренция между различными секторами, но при этом советское государство призвано поддерживать общественный, коллективный, кооперативный секторы. „Модернизация“ должна была оплодотворить государственный и общественно-коллективный секторы, но вместо этого они стали жертвами „модернизации“. Объективные исторические предпосылки породили в наследии Ленина непримиримое противоречие между практической „философией сохранения власти“, с одной стороны, и теорией коммунизма, с другой.

Рассмотренная здесь конкретная историческая форма революционного выбора из-за исторических обстоятельств потерпела неудачу с точки зрения конечной цели, социального равенства, то есть ликвидации общественных классов и обеспечения свободы, но устойчивая „методология“ *коллективистского* преобразования мира пережила провал практического эксперимента.

¹ Общеизвестно, что в наиболее чистом виде эта концепция является нам в *Государстве и революции*. В своих теоретических построениях Ленин мобилизовал почти забытые взгляды Маркса: социализм рассматривается как результат долгого исторического развития, как первая стадия коммунизма, возможное явление всемирной истории, как „коллектив объединенных производителей“, всеобщая свобода цивилизованного человечества.

Конечный вывод состоит в том, что, прежде чем выбросить на свалку „ленинский нарратив“ об истории революции, следовало бы по крайней мере суметь его опровергнуть. *Hic Rodus hic salta*.

Русская революция в перспективе долгого времени: новые подходы к ее осмыслению

*Могильницкий Б. Г.,
д.и.н., ТГУ*

Чем значительней историческое событие, тем дольше и извилистее путь к его общепризнанной оценке в науке и обществе. Стала хрестоматийной приписываемая Чжоу Энь-Лаю сентенция о невозможности определить историческое значение Великой Французской революции, так как прошло всего 200 лет с ее начала. А нашей революции исполнилось всего 90 лет. Типологически близкая к ней по своим масштабам, характеру, яростным вспышкам кровавого насилия, утопическим проектам всеобщего счастья и благоденствия и горьким разочарованиям в них и вместе с тем - по своему всемирно-историческому значению, Русская революция, как и ее предшественница, обречена на разномыслие в подходах к ее осмыслению.

Даже во Франции, где за два с лишним века казалось бы должны утихнуть страсти, ее великая революция продолжает оставаться в эпицентре жарких научных и общественных дебатов, обострившихся как раз в связи с празднованием ее 200-летия. В его преддверии во французской историографии сложилось так называемое ревизионистское направление, инициированное Ф. Фурье. Критики революции обвиняют ее в разрушении экономики, массовом терроре и создании в стране тоталитарного режима, в геноциде против собственного народа, ставшего образцом для всех будущих геноцидов, в особенности сталинского и гитлеровского. Как констатирует видный представитель противостоящего ревизионистскому «якобинского» направления М. Агюлон, «поношение французской революции по всякому поводу и без всякого повода становится интеллектуальной модой и